

Телогреечка

На короткие зимние каникулы НИИ ТП открывал «Звездочку» в усеченном варианте. Все определялось наличием мест в теплых корпусах, которых было только два летом в них жили октябрятские отряды чебурашек. Справа от входа на центральную аллею, за стендами с наградами пионерской организации, стояли деревянные корпуса с двойными окнами, утепленными дерматиновыми дверями, перетянутыми крест накрест киперной лентой, и с батареями парового отопления.

Тепло шло с хозвора из котельной, которую топили углем, а потом на тачке вывозили продукты, оставшиеся от горения шлак. Горы этого продукта равномерно лежали вокруг котельной, запо-

рошенные снегом. Сразу было видно, когда вывозили очередную партию огненно красного вспененного камня, который еще долго хранил тепло. Падающие на него снежинки поменьше испарялись на подлете, а те, что покрупнее, падали и шипели, превращаясь сначала в воду, а позднее в пар. Котельная была предметом особого контроля со стороны начальника лагеря, деревянный дом которого стоял неподалеку. А как же! Тепло в зимнем лагере здоровье детей!

Для детишек по сравнению с летом практически ни чего не менялось те же корпуса с палатами на 12-14 коек. Те же зеленые туалеты с дырками на улице. По ночам в коридоре ставили цинковое ведро, которое звенело первоапрельскими ручьями, аж до самого подъема.

Еще была сушиллка незаменимая вещь для сырой ребячьей одежды. Находилась она на хоздворе, куда вечерами относили на просушку сырые штаны, варежки, телогрейки и валенки.

Нынешнее поколение, привыкшее к синдепоновым пальто, пуховикам и дубленкам, вряд ли знает, что старшее поколение выжило во время войны во многом благодаря этой неказистой, но такой теплой и удобной одежде. И на фронте, и в тылу, простая черная или синяя телогреечка одинаково спасала от морозов и бойцов, и дежурных на крышах, и рабочих на заводах, и зеков в лагерях. Вот у немцев телогреечек не было, во многом, поэтому, не смогли они под Москвой одолеть нашу Красную Армию! Замерзли, бедолаги!

В НИИТП телогреечка, кирзовые и резиновые сапоги, валенки и солдатские трехпалые варежки выдавались как спецодежда, вот, наверное, поэтому наш пионерский лагерь не сильно отличался по виду от зоны те же цвета, тот же фасон! Правда, нас это трогало меньше всего. Что с горы, что на санках, что в хоккейных воротах лучше телогреечки одежды не было!

Замерзшее зеркало бассейна «Бучилло» чистили всем лагерем. Всем было нужно место кому для хоккея, а кому для фигурного катания. Старший вожатый, пробив першей лынью, устраивал в ней купанье. Громко фыркая и погружаясь с головой под воду,

он резко выскакивал на поверхность как пингвин, и, запрыгнув в валенки, кутался в армейский овчинный тулуп с высоким воротником. Ребяшня смотрела на него, разинув рты, или, наоборот, подначивая и запуская снежком.

Здоровый движок с двумя руками сгребал снег в одну сторону, а тут уж только давай кидай его за бруствер дюралевой или фанерной лопатой! Здорово! И разогреешься, и место расчистишь! Правда, такой творческий энтузиазм скоро уступил место здравому скепсису: «А почему я?» Но, поскольку других вариантов особо не было, приходилось чистить. А не хотелось.

Самых маленьких в зимний лагерь не брали, поэтому коллективчик подобрался примерно одинаковый 14-16 лет. Летом этот расклад читался как первый и второй отряды. Если в первом отряде в основном были почитатели авиааракетного кружка, поэзии и волейбола, то во втором продвинутая молодежь, упирающаяся на зарубежную эстраду и настольный теннис. На хоккейной площадке мы рубились палата на палату. В соревнованиях по лыжам, катании с горы, конкурсах палата на палату. В общем, и жили мы также в разных палатах. Естественно, мы дружили, но постоянная борьба за лидерство, провоцируемая «младшей группой», натывалась на снисходительное: «Ну, да!», «Ну, что ж вы так?» — с нашей стороны.

Это была эпоха, когда сборная Советского Союза по хоккею сделала канадских профессионалов, а нормальную клюшку в спортивном магазине купить было нельзя. Тем более, по безналичному расчету! Поэтому в лагерь завезли «крючки» для русского хоккея и оранжевые пробковые мячи, которые летали по площадке словно картечь, пробивая даже добротные на вате телогреечки, оставляя на мальчишечьих телах фиолетовые оттиски своего вязаного профиля.

В очередной раз, выйдя на лед с лопатами, «старая гвардия» устремилась на борьбу с последствиями очередного снегопада, а продвинутая молодежь странно сбилась стайкой и хихикала себе под нос. Лопаты в их руках смотрели в небо, не торопясь работать.

— А не замерзли ли наши юные друзья, скромничающие в сторонке? — бросил кто-то из пацанов, продвигая двуручным движком глыбу снега и освобождая значительный кусок льда для игры.

Его поддержали остальные, вытирая пот со лба и подходя поближе.

— Что, мягкие игрушки, маятись? Коленки подгибаются? — спросили мы с легкой иронией.

Как всегда дерзкие, но без заноса, молодежь, улыбаясь, перевела все в шутку:

— Куда уж нам, цыплятам синеньким, до вас, матерых! Нам бы манную кашку кушать, что б шайбы подавать. Вона вы как со снегом управляетесь — загляденье! Где ж сил-то взять? Вот вздрючить вас в хоккей дело плевое, а снег чистить — это вы кофики!

Опаньки! Вот вам и молодежь, вот вам и вызов! Ладно, порешили, что тот, кто проиграет в хоккей до 5 мячей, тот завтра и будет чистить! И не только завтра, но и до конца смены!

Правила у нас были нестрогие, поэтому мы очень удивились, когда сбросив телогрейки и валенки, двое молодцов остались в спортивных костюмах, резво переобулись, надев «канадки» — коньки для хоккея, и стали выписывать узоры по льду, летая как новогодний фейерверк. К тому же, в руках у них были отличные клюшки для канадского хоккея, с намотанной на крюк черной изолентой. Нам, закованным в телогрейки и обутом в валенки, было не угнаться за ними и, словно гигантские матрешки, мы кружились вокруг своей оси, не успевая за форсированной молодежью. Да и клюшки для хоккея с шайбой были подлиннее наших, для русского хоккея.

Трое в поле и один в воротах такой расклад для нашего маленького катка был традиционным. Коробки не было, поэтому границей служил наваленный бруствер изо льда и снега, на который можно было заскочить, уворачиваясь от силового приема. Сразу за ним снова было расчищенное пространство, по которому скользили девчонки на коньках, уподобляясь Людмиле Пахо-

мовой или Ирине Моисеевой, и все остальные, включая традиционную мелюзгу, без которой не обходился ни один лагерь.

Гоняясь за летунами на коньках, мы безуспешно пытались их догнать, отыграть оранжевый как у Гарри Поттера мячик. Но валенки проскальзывали, телогрейки мешали, а крючковатые клюшки не доставали до мяча. Однако счет неуклонно рос и не в нашу пользу. Отыграв два периода по 10 минут, мы проигрывали 1:3. Перспектива чистить лед до конца лагеря улыбалась нам всей своей широкой улыбкой. Удалившись на перерыв, мы собрались на совет.

— А что, ведь и вздрючат нас как желторотиков каких-то! - сплунув в снег, сказал Макар.

— Да уж, за ними в валенках не угнаться... Это не «кола» в первую линию забивать! — поддержал Серега.

— И что делать? Вот так и отдать им игру? Нет, нужна хитрость! — вставил и я свое слово.

— Так что ж ты молчал! Вот именно, хитрость! — завелся Серж.

— Мы же с ними в канадский хоккей мячом и русскими клюшками играем! А нам надо играть в русский, но оставить силовую борьбу! — начал он сучить ножками и собирая нас в кучу.

— Короче, поляна маленькая и бегать мы не будем. Двое в защите, один у них на пяточке. Рубим мяч с замаха резаным ударом - они в своих костюмчиках на себя его принимать не будут! - выпалил, словно поставил он боевую задачу. И мы пошли на лед, вооруженные новой стратегией.

Видя наши потные уставшие лица, молодежь не удержалась от подначек:

— Ну что, орелики, носы повесили? Будет время размяться с лопатой, мастерство подкачать!

Стройные как веточки, красивые как фарфоровые статуэтки на шифоньере, они выписывали вензеля на льду, не стесняясь смеяться нам в лицо. Весь их вид говорил: «Ну что, пора сливаться! Ваши деньги с дырочкой!»

Застрявший шарик в свистке наконец-то вышел на свою космическую орбиту, возвестив начало третьего периода матча. Окрестный народ подтянулся на брустверы, чтобы лицезреть триумф победителя.

И вот оранжевый мяч упал на лед. Точнее, он до него не долетел, поскольку Андрюха своей короткой крючковой клюшкой отбил его в сторону еще на подлете. Словно вертушка вокруг своей оси провернулся Серега, замахнувшись в свою очередь, и резанул обвитой кожаным ремешком кривой загогулиной для русского хоккея как раз под оранжевое облачко. Глухо чпокнув, оно улетело в сторону ворот молодежи.

— Ой, блин! — вскрикнул вратарь в воротах, пытавшийся поймать нежданного посланца, но тот обжег его руку даже через толстую трехпалую рукавицу и влетел в сетку.

Каждый из нас помнит настольную игру «Хоккей», где металлические плоские фигурки ползают взад-вперед и машут клюшками, вращаясь, словно заводная юла. Примерно также развивалась и наша игра в третьем периоде.

Пользуясь небольшими габаритами площадки, мы практически перегородили ее, отстаивая каждый свой сектор. Если противник пытался пробиваться, мы применяли силовые приемы, если мяч оказывался в досягаемости — лупили по нему с размаха. Тут-то и проявили себя короткие гнутые клюшки для русского хоккея — мяч летел как ядро из пушки, не оставляя выбора окружающим. Его можно было только пропустить или пасть, сраженным наповал. Напрасно стучала об лед, пытаясь произвести щелчок своей кочергой, неумная молодежь. Оранжевый мяч слетал с крюка, но его можно было поймать рукой, накрыть корпусом, отпасовать ногой. Мяч же, посланный русской клюшкой, летел по-русски, пронизывая игровое пространство насквозь. Цусимское сражение, да и только!

Зрители на брустверах, замороженные отчаянной схваткой, галдели и улюлюкали, то отбегая назад, что бы игрок на коньках, выброшенный подставленным бедром, мог пробежаться по краю или подняться на ноги. То летящий мяч, вызывая визг девчонок,

попадал в заграждение из ледянок и санок. Мягко стрекотала дефицитная 8-мм кинокамера, заведенная пружинным механизмом, стараясь сохранить для истории эти мгновения.

Как деревянные солдаты Урфинджюса мы крутились вокруг своей оси, наступая и откатываясь назад. Наши крючковатые клюшки посылали убийственные снаряды по воротам противника, практически парализовав игру вратаря, который сначала считал свои синяки и шишки, а потом только уворачивался от очередного подарка. Игроки молодежи готовы были отгрызть длинные ручки своих клюшек, чтобы также как мы наносить пушечные удары. Некоторые из них, приняв на себя удар, накинули телогреечки, отчего сразу потеряли в скорости и ловкости.

С площадки мы уходили победителями в своих непробиваемых стеганых телогреечках, на которых почти не осталось пуговиц, с русскими клюшками и русским оранжевым пробковым мячом, обвитым крепким шнуром. Конечно, синяки и ссадины ныли и чесались, но что может сравниться с радостью победы, отвлечь от этого пьянящего запаха торжества.

Наши противники уходили спотыкаясь, хромая и ссорясь из-за того, что не взяли крючковатые клюшки, решившие исход поединка. Последним уходил вратарь, который утирал красные глаза и хромал, держась за простреленное бедро.

Утро следующего дня началось безмятежно и звонко. Ночью выпал снег, и теперь он серебрился наброшенной пелеринкой на футбольном поле, «Бучилле» и раскинувших свои лапы елках. Пробежавшие белки сбивали снег с веток, и он маленькими фонтанчиками слетал ступеньками вниз, набирая силу и рассыпаясь в пыль.

— Ну что, пойдём каток чистить? — обреченно спросил кто-то из молодых, почесывая саднящее со вчерашнего дня место. Его товарищи, в валенках и знакомых стеганых фуфаячках, не сговариваясь, повернули в сторону бассейна.

— Нет, сегодня будем строить снежную горку! — сказал старший вожатый. Тяжелый групповой выдох за спиной прозвучал

так, словно приговоренные святой инквизицией к сожжению еретики обрели индульгенцию Папы Римского.